

* * *

Моей маме О. К. Мирошниченко-Кулагиной

Начинала с ручья. А потом подошла к океану.
И душа задрожала, столкнувшись с его глубиной.
И тогда поняла я свою беспокойную маму.
И тогда поняла, как непросто ей было со мной.

Что ты, Дальний Восток, передал мне из памяти предков?
И зачем забрались они сдуру в чужие края?
Я сперва и не знала, зачем эта в сердце отметка,
И куда меня манит дорога совсем не моя.

И когда меня кружат, как вьюги, не стопки, а сопки
Ближних мест, океана в глаза не выдавшие. Но
Я внезапно тоскую, как ласточка в шляпной коробке,
И как голубь, зачем-то влетевший в чужое окно.

Эта сила в руках, эта удаль не женского рода,
Эта нежность волны и прибоя соленая блажь,
Вы откуда взялись? И зачем ты играешь, природа,
Выбивая на сердце задуманный бурей пассаж?

И при этом я знаю, что нет в этой страсти обмана.
Но мне скучно уже забавляться шутихой земной.
Начинала с ручья. А потом подошла к океану.
И душа задрожала, столкнувшись с его глубиной.

Два вопроса

А ну, попробуй не ответить, русский:
Ты знаешь, что такое рай и ад?
Уже по-аглицки и по-французски
И по-китайски дети говорят.

Но разве зря запомнил ты от века,
Что нам навеки памятью дано —
Свою дорогу из славян во греки?
И Куликово? И Бородино?

А если русским словом и пространством,
Которые всей жизни на виду,
Владеешь ты, на зависть иностранцам,
Ты все считаешь, что живешь в аду?

А ну, попробуй, русский, не ответить,
А то тебя я уж не узнаю,
Так где ты есть, разбросан по планете?
Ты все еще считаешь, что в раю?